

Норберъ де-Вареннъ продолжалъ:

— Нѣтъ, вы меня сегодня не понимаете, но со временемъ припомните то, что я вамъ теперь говорю. Видите ли, наступаетъ день, и для многихъ онъ наступаетъ очень рано, когда, какъ говорится, не до смѣху больше, потому что за всѣмъ, на что ни посмотришь, виднѣется смерть. О!—вы даже не понимаете этого слова — смерть. Въ ваши годы оно ничего не выражаетъ. Въ мои годы—оно страшно. Да!—какъ то вдругъ наступаетъ моментъ, когда его поймешь, Богъ вѣсть почему, Богъ вѣсть по поводу чего, и тогда все въ жизни получаетъ иную окраску. Вотъ уже пятнадцать лѣтъ какъ я чувствую, какъ смерть гложетъ меня, точно я ношу въ самомъ себѣ какого-то грызущаго меня звѣря. Я почувствовать мало-по-малу, мѣсяцъ за мѣсяцемъ, часъ за часомъ, какъ она начала постепенно разрушать меня, точно домъ, который разваливается. Она меня до такой степени обезобразила, что я больше не узнаю самого себя. Во мнѣ ничего не осталось отъ моего прежняго я!—гдѣ тотъ жизнерадостный, свѣжій, сильный мужчина, какимъ я былъ въ тридцать лѣтъ? Я видѣлъ, какъ она окрасила въ бѣлую краску мои черные волосы, и съ какой искусной и злобной медлительностью. Она отняла у меня мою упругую кожу, мои мускулы, мои зубы, все мое прежнее тѣло и оставила мнѣ только разбитую отчаяніемъ душу, которую вскорѣ тоже отнять. Да!—она искрошила меня, злодѣйка, она совершила, секунду за секундой, тихо и жестоко, медленное разрушеніе моего существа. И теперь я сознаю смерть во всемъ, что дѣлаю. Каждый шагъ приближаетъ меня къ ней, каждое движеніе, каждый вздохъ моей груди ускоряетъ ея ненавистное дѣло. Дышать, спать, ѣсть, пить, работать, мечтать—все, что мы ни дѣлаемъ, все это—значить умирать! Жить, наконецъ, значить умирать! О! вы узнаете это! Еслибы вы поразмыслили только четверть часа, то увидѣли бы это.

Чего вы ждете? — любви? — еще нѣсколько поцѣлуевъ и вы будете пресыщены.

Еще чего? Денегъ? Зачѣмъ? Чтобы платить женщинамъ? Удивительное благополучіе! Чтобы много ѣсть, разжирѣть и кричать по цѣлымъ ночамъ отъ страданій, причиняемыхъ подагрой.

Ну еще чего? Славы? Къ чему она поведетъ, если ее нельзя получать въ видѣ любви? Ну а затѣмъ что еще? все та же смерть въ концѣ концовъ.

Я теперь вижу ее такъ близко, что часто мнѣ хочется протянуть руку, чтобы ее оттолкнуть. Она покрываетъ землю и наполняетъ пространство. Я ее вездѣ открываю. Маленькія живот-